

“Подлинные браки не начинаются, а завершаются любовью...”

Интервью с семьей протоиерея Георгия Митрофанова на радио "Град Петров"

Людмила Зотова: "Царь царицу тут берет, в церковь под венец ведет, и с невестой младою, он обходит вокруг налюю". Так заканчивается знакомая нам с детства сказка Ершова "Конек-горбунок". Свадебным пиром заканчиваются многие добрые сказки. В жизни часто бывает не совсем так. Мы долго живем в мечтах, сказках, подходит время, мы создаем семьи и надеемся, вот теперь-то и начнется счастье, а на самом деле все не так-то просто.

После свадьбы начинается жизнь серьезная, порой нелегкая, требующая от нас ответственных решений. Мы не всегда готовы к этим решениям. Наши семейные встречи не ставят целью дать готовые рецепты семейного благополучия. Просто у нас есть возможность увидеть, что люди, такие же как мы, сталкиваются с точно такими же проблемами и не убегают от их решения, а ищут и находят свои оптимальные пути выхода из сложных ситуаций.

Поделиться с нами своими взглядами по поводу семейных основ любезно согласилась семейная пара: отец Георгий Митрофанов и его супруга Марина Александровна. Хочу напомнить, что отец Георгий является преподавателем Петербургской Духовной Семинарии и доцентом кафедры истории педагогики Университета педагогического мастерства. Кроме того, отец Георгий является членом Синодальной комиссии по канонизации святых РПЦ. Постоянным слушателям радио «Град Петров» известны передачи, подготовленные и проведенные отцом Георгием: лекции по истории РПЦ, проповеди и ряд других передач. К сказанному добавлю, что отец Георгий – настоятель храма святых апостолов Петра и Павла при Университете педагогического мастерства.

Для начала я хочу задать традиционный вопрос, расскажите о своей семье, дайте ее портрет, кто входит в состав вашей семьи и как давно ваша семья существует?

Протоиерей Георгий Митрофанов: В нашей семье кроме нас – два наших ребенка: сын Андрей, он является студентом исторического факультета СПбГУ и дочь Мария, которая учится в медицинской гимназии и мечтает стать врачом. В брак мы вступили по окончании СПбГУ, тогда еще ЛГУ, который закончили в один год в 1982. Я закончил исторический факультет, Марина Александровна закончила филологический факультет.

Уже тогда мысль о том, что мое служение будет служением церковным, а не научным, не

гуманитарным, во многом определяла нашу жизнь. Мы познакомились в конце 1979г. и даже первое наше объяснение, которое произошло через полгода после нашего знакомства, предполагало с моей стороны возвышенную тираду о том, что мы должны, сохраняя верность друг другу, два года ждать принятия мною решения о том, вступлю ли я в брак с Мариной Александровной или приму монашество.

Объяснение было столь искренним, наивным, что Марина Александровна даже плохо поняла, как можно, объясняясь в любви, не упоминать об этом чувстве, а говорить о возвышенных идеях. Это было действительно по-детски и наивно, хотя у меня к тому времени уже была служба на флоте, я был не таким уж "юношей бледным со взором горящим". Но тема того, что в семейной жизни помимо нас двоих должен быть еще кто-то, не дети, а именно кто-то больший, чем мы - Господь Бог, что семья на самом деле предполагает служение не только и не столько друг другу, не потакание друг другу, а исполнение воли Божьей - вот эта мысль в наивной и детской форме присутствовала уже тогда.

Во многом, я считаю, это была правильная ориентация, потому что, не получив с детства последовательного церковного воспитания, мы оба приходили к мысли о вере, о Церкви сложными путями. Мысль о том, что семья должна быть частью чего-то большего, чем просто человеческое общество, иным обществом - христианским обществом - эта мысль присутствовала как переживание, как ощущение. С этого и началась наша жизнь, которая изначально предполагалась как жизнь церковная.

Л.Зотова: Вы сказали, что не получили православного воспитания, а каким путем вам удалось прийти до православия?

Протоиерей Георгий Митрофанов: Что касается меня, то моя семья была очень традиционна в этом отношении. В младенчестве меня окрестили, причем окрестили по настоянию моего отца, морского офицера, летом на даче, чтобы никто об этом не узнал. Это было в 1958 г. как раз в период хрущевских гонений на Церковь. Отец очень дорожил своей карьерой.

Собственно, этим крещением и закончилось мое приобщение к церковной жизни в детстве, а дальше были рассказы бабушки о прежней дореволюционной жизни, большой интерес к истории, который сопровождал все мое пребывание в школе. Постепенно, наверное, в классе шестом, я стал интересоваться Церковью как составной частью той замечательной утерянной России, которая была в центре моего внимания. Я мало что знал, но искренне стремился познать эту великую, ушедшую Россию, в которой Церковь значила столь много.

Будучи человеком последовательным, я старался распространять свой интерес к истории и на другие стороны исторического прошлого, в частности на историю религиозной жизни России. Пожалуй, в восьмом классе, когда моя бабушка скончалась, факт соприкосновения со смертью близкого человека обусловил для меня изменение отношения к Церкви. Отвлеченный интерес к Церкви как к культурно-историческому институту уступил место желанию войти в Церковь как в некую мистическую реальность Тела Христова, хотя такие формулировки я, конечно же, в восьмом классе не использовал.

А дальше был достаточно постепенный и последовательный путь к Церкви. Поначалу в полном одиночестве, с помощью книг. Изучение истории России, русская литература, русская религиозная философия, конечно, менее доступная, чем русская литература, сыграли свою роль.

Л.Зотова: Как Ваши родители оценивали это?

Протоиерей Георгий Митрофанов: Для моей мамы эта тема была очень приемлемой поначалу. Ей казалось, что если ее сын будет уважительно относиться к Церкви, верить в Бога, это уберет его от многих жизненных искушений. Но после восьмого-девятого класса, когда интерес к церковной жизни у меня стал определяющим, он уже мог повлиять на мою жизнь, мама стала относиться к этому критически. У нее был традиционный интеллигентский взгляд на веру в Бога: Бог, конечно, есть, Церковь – почтенный институт, но соприкоснуться с ним нужно эпизодически, во время крещения, отпевания, но не более того. Так что в этом отношении в семье я был одинок. **Л.Зотова:** А каков был Ваш путь к христианству, Марина Александровна? **М.А.Митрофанова:** Я считаю, что мне в жизни очень повезло, потому что я знала людей, которые самой своей жизнью несли веру, которая осталась у них, несмотря на все колеса истории. Это была вера из той самой ушедшей жизни, которая была потеряна, и о которой хотелось знать больше. Мои родители, приехавшие из деревень, были людьми, оторванными от всего и вся. Семья моего папы в этом смысле была совершенно неинтересной и не оказала на меня абсолютно никакого влияния. А мамина семья была другая, потому что ее мать была человеком исключительных качеств – нравственных и религиозных. Она была исключительным человеком для нашего времени, а на самом деле это была та соль земли, каких было очень много в свое время.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Позволю себе как историк прокомментировать. Речь идет о том, что бабушка Марины Александровны родилась в селе Матвеево Парфеньевского района Костромской области. До революции это был Кологривский уезд, и село это было замечательно тем, что в нем родился великий русский церковный историк Голубинский, далее там служили предки Василия Васильевича Розанова, а брат бабушки Марины Александровны был последним дьяконом храма этого села. Это была деревня, в которой воцерковленные крестьяне были гораздо более церковно просвещены, чем крестьяне в других деревнях. Состоятельные крестьяне Севера были в этом смысле достаточно просвещены. После закрытия храма и ликвидации церковной жизни они были носителями живой веры. Другое дело, что в одном поколении эта вера прерывалась. **М.А.Митрофанова:** Духовные дары не передаются по наследству, каждый зарабатывает этот дар своим трудом. Поэтому я не могу обвинять своих родителей. Сейчас моя мама может позволить себе "роскошь" заняться своей духовной жизнью. Папа мой индифферентен ко всему, он объявляет себя атеистом, но если бы он был убежденным атеистом, было бы легче. Это самая страшная категория равнодушных людей, не подозревающих о существовании того, что нельзя потрогать руками. Я не встречала более широкого человека в смысле интеллигентности во взглядах на людей, на жизнь и на мир, чем моя бабушка. При этом она всегда оставалась ортодоксально православным человеком.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Мы принадлежим к тому поколению, которое должно само обретать веру, ориентируясь на случайно встречавшиеся впечатления, события, личности. Конечно, здесь была помощь Божья, тайна промысла Божьего, но следует признать, что для нашего поколения необходимо было много усилий, чтобы открывать для себя заново то, что было открыто не предшествующему поколению, а поколению наших дедов, бабушек, прадедов и прабабушек. Поколение наших отцов и матерей уже разрушало ту духовную историческую связь церковных поколений. **Л.Зотова:** В этом году вашей семье исполняется 20 лет. С высоты прожитых лет как вы считаете, что должно быть главным при создании семьи, что должно ложиться в основу? Сейчас молодежь, как мне кажется, заключает браки по страсти – то, что они считают любовью – должна ли быть доля расчета, трезвого подхода к созданию семьи? **Протоиерей Георгий Митрофанов:** Если мы внимательно обратимся к евангельскому чтению, которое читается во время венчания, то ответ мы обнаружим в истории о браке в Кане Галилейской. Помните этот образ выпитого вина?

Вино на брачном пиру кончилось – это правда, глубокая правда любой брачной жизни, потому что как правило, браки начинаются с какого-то сильного влечения, с обольщения людьми друг

другом. Это обольщение проходит. Иногда за год, иногда за месяц, иногда за одну брачную ночь. Человек вдруг обнаруживает, что рядом с ним хотя и супруг, но человек очень несовершенный.

Кажется, что брачный пир закончен. Начинаются будни, вместо вина брачного пира – вода житейских будней. Кажется, что это ошибка, что человек оказался не тем. Нет ощущения того, что раз Бог попустил этот брак, раз Он благословил этот брак, нужно с тем человеком, который тебе дан, при всех его несовершенствах что-то созидать. Действительно, это трудно. Поэтому многие семьи очень быстро – в первые три года – распадаются.

Но если даже тогда, когда через год или несколько лет обольщение проходит, есть ощущение того, что перед тобой не только супруг, но и брат или сестра во Христе, ты начинаешь учиться его прощать, учиться его терпеть, и самое главное – никогда не забываешь о Боге, и Бог приходит, как Он пришел на брак в Кану Галилейскую.

Помните, там Он воду претворил в вино, казавшееся лучше, чем в начале брачного пира, на что обращает внимание архитриклин. Действительно, когда в такой испытывающей искушение семейной жизни, когда люди уже реально воспринимают друг друга не обольщаясь, появляется Христос – а Он не может не появиться, если эта семья ведет жизнь церковную, причащается, молится, пребывает в богомыслии, – происходит чудо.

Вода житейских будней становится вином, но вином лучшим, чем то, которое было в начале, это и есть та подлинная любовь, любовь Христова, очищенная от суетных страстей и наивного обольщения друг другом, с которого все начиналось. Поэтому браки не начинаются с любви, они любовью завершаются, если не разрушаются на этом трудном пути.

Подлинно христианская любовь – это венец брака, результат брака, а не его основание. Не случайно чинопоследование венчания напоминает чинопоследование монашеского пострига, брак – это в чем-то уход от мира во имя созидания конкретным человеком малой церкви – это истина даже для понимающих ее довольно абстрактна, а уж для людей нецерковных этого вообще не существует. А почему бы не попробовать с другим человеком еще раз что-то создать? Но в результате ничего не создается. **М.А.Митрофанова:** Я выходила замуж очень обыкновенно. У меня не было каких-то глобальных причин. Мне казалось, что отец Георгий лучше, чем я, по многим человеческим качествам и я пребывала в этом убеждении очень долгие годы. Это меня спасало от многих вещей, потому что когда были какие-то сложные периоды в жизни, я понимала, что поскольку он лучше меня знает, мне остается только подчиниться. Это же легче, чем принимать решения и брать на себя ответственность.

Л.Зотова: Судя по всему, у вас в семье существует иерархия отношений. **Протоиерей Георгий Митрофанов:** Иерархия предполагает разделение каких-то функций. В той или иной форме, осознанно или неосознанно иерархия существует в любой семье. Мужчина и женщина онтологически различны. Всякая женщина на самом деле стремится к тому, чтобы на мужчину можно было опереться. Даже тогда, когда женщина констатирует наличие в мужчине каких-то немощей и слабостей, она должна иметь мудрость помочь ему, преодолев это, взять на себя ответственность за их жизнь.

Для нее более естественно следовать за мужем, помогая ему правильно сориентироваться. Я почти всегда уступаю Марине Александровне в мелочах и стараюсь никогда не уступать в главных вопросах. Бывали ситуации довольно сложные, например, когда ей пришлось оставить очень любимую работу в историческом архиве и остаться с ребенком дома, для нее это был не просто отрыв от круга общения, это был отрыв от того дела, которое было ей очень близко.

Хотя она филолог, но по складу своему она настоящий историк-архивист. Оторваться от этой работы ей было трудно, но нужно было решать главный вопрос, а главные вопросы нашей семьи всегда ставлю я, не потому что они мои, но потому что они объективно главные. Это вопросы, касающиеся религиозного смысла жизни. Этот принцип – всегда уступать в житейских мелочах и никогда не уступать в главном – это очень важно, потому что это и меня формирует как главу семьи, и Марине Александровне от этого легче.

Слава Богу, одним из достижений нашей семьи является то, что она не стала женщиной-родиной-матерью, у которой муж в качестве еще одного ребенка и она несет на себе бремя основных решений, социальных, материальных, духовных.

М.А.Митрофанова: Когда мы еще не были знакомы, моя подруга, которая узнала отца Георгия раньше, чем я, сказала, что вот есть такой молодой человек, который на меня очень похож. Недавно мы встречались с нашим старинным приятелем, который сказал то же самое, что мы с о.Георгием очень похожи. В человеческом плане мы немножко разные, похожесть в обуеваемости идеей, в стремлении к чему-то большему, чем мы сами, чем наша семья и даже наши дети. Я не представляла себя в жизни в роли женщины-матери, у меня был страшный интерес к определенным вещам, и мне казалось, что я буду заниматься этим всю жизнь. Но я никогда не сомневалась в том выборе, который был сделан. **Протоиерей Георгий Митрофанов:** Мое наивное объяснение, когда я сказал, что нужно ждать два года, быть ли мне монахом или вступать в брак, сформулировало то, что определило жизнь. Это ощущение того, что в нашей жизни существует нечто большее, чем мы, чему должно служить.

М.А.Митрофанова: Я в этом объяснении ничего не поняла, абсолютно ничего. Не услышав слова "любовь" и всего, что в таких случаях говорят, я вообще не поняла, что это имеет ко мне отношение. Отец Георгий очень расстроился. А я в тот день пошла в театр. Я даже помню на что, это был балет "Царь Борис".

Протоиерей Георгий Митрофанов: Очень символично, ибо мой призыв носил такой домостроевский характер. Если бы мы получили нормальное церковное воспитание, а оно готовит к семейной жизни как никакое другое, по сути, наш разговор был бы таким же, но по форме был бы совсем другим. Мы бы, наверное, гораздо лучше друг друга поняли.

М.А.Митрофанова: Когда я пришла домой из театра, я почувствовала, что мне, наверное, надо позвонить. Я набрала номер, но подошел не отец Георгий, кто-то из соседей. Когда он подошел, я стала молчать в трубку. Теперь он над этим все время смеется. **Протоиерей Георгий Митрофанов:** Важно, чтобы семья вела церковную жизнь не в виде ежевечерних чтений душевспасительной литературы, не в обязательном чередовании темных и светлых занавесок во время поста и в его отсутствие, но совсем в другом плане – в ощущении того, что Бог присутствует в жизни. Бог ждет от нас соработничества. У нас нет просто индивидуальной жизни, в нашей жизни так или иначе должно присутствовать исполнение Его воли.

Л.Зотова: Какие качества в своей жене вы больше всего цените? Что помогает сохранять ваш союз?

Протоиерей Георгий Митрофанов: Во-первых, я ценю в ней качества, которые мужчины нечасто ценят в женщинах. Я ценю в ней ум, своеобразный женский ум, который на самом деле осложняет жизнь мужчины и женщины.

Мужчина со своей женой хочет легкости, отдохновения, расслабления, а существование рядом умной женщины заставляет постоянно видеть себя со стороны. Я ценю в ней способность быть последовательной, т.е. для нее ее взгляды и убеждения предполагают какие-то действия, поэтому я никогда не обнаруживал в ней того, что очень часто приходится обнаруживать в

воцерковляющихся женщинах - фальши, фарисейства и игры, когда, даже не подозревая об этом, женщина внешней, ритуальной, атрибутивной стороной религии заменяет для себя внутреннюю, духовную жизнь.

Третье качество наряду с умом и последовательностью - это ее достаточно тонкая душевная конституция. Это тоже обременяет жизнь, потому что это очень по-русски - надеяться обрести в женщине вторую мать. Действительно, во многих семьях мужчины ведут себя очень небрежно с женщинами, они считают, что жена у них как мать, которая все поймет, все простит и т.д.

Наверное, в бытовом плане я бываю человеком нечутким. Для меня бытовой стороны жизни не существует, в этом смысле я по-нехорошему аскетичен, нечувствителен к этой стихии. Для любой женщины это тяжело. Марина Александровна - человек умный и женственный. Это тоже очень неудобно, ибо требует внимания и чуткости, а для меня, как для священника, который очень устает от общения с людьми, от постоянных внутренних усилий, которые приходится делать над самим собой, это сложно. А она переживает это небрежное отношение.

Л.Зотова: Марина Александровна, Вам такой же вопрос, какие качества Вашего мужа наиболее для Вас ценны?

М.А.Митрофанова: Я бы не назвала это словом «качества». Для меня ценно то, что, благодаря ему, для меня воскресла та жизнь, которая мне казалась навсегда умершей со смертью моей бабушки. С ним мне стало ясно, что это никуда не исчезло, что это существует и будет существовать. Что касается бытовых вещей, то у нас не было проблем «жена не готовит, муж не забивает гвоздь», потому что это же все мелочи. **Протоиерей Георгий Митрофанов:** Воспринимать мужа через призму культурных, исторических ассоциаций сложно. Но это есть наше странное сходство. Нам неинтересно заниматься созданием такого отлаженного быта с полноценным православным питанием.

Многие, воцерковляясь, стремятся к внешней стороне: красный угол, спецодежда, как я это называю, спецпитание в соответствии с толстыми фолиантами о православной кухне, спецстилистика в общении, вычурный, стилизованный под церковный язык - это все очень дезориентирует духовно. Для нас большое значение имело то, что, одновременно закончив Университет и три года проработав в одном положении младших научных сотрудников, вращаясь в кругу очень бедных людей, молодых интеллигентов, мы как-то восприняли то, что было характерно для интеллигенции 19-го века, которые даже теряя веру в Бога, оставались лично очень аскетичными людьми. Эта хорошая здоровая интеллигентская аскеза, которая потом резко контрастировала с оправославленным материализмом некоторых священнических семей, когда стол, дом, быт, храм с точки зрения утвари и облачения, являются доминантой религиозной жизни.

Действительно, русская интеллигенция, пройдя все метаморфозы советского периода, сохранила в себе очень хорошую прививку аскетизма, который нередко утрачивался в пролетарско-крестьянской среде. Клирики из этой среды приносят с собой стремление воспринимать храм как хороший добротный деревенский дом.

М.А.Митрофанова: Эти 20 лет мы живем одинаково. Как мы жили, когда учились, так же мы живем и сейчас.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Главная ценность в нашем доме - это книги, наши дети получили очень хорошую привычку к чтению книг. Их не интересует телевизор, и они очень органично воспринимают компьютер только как средство для фиксации информации. Таких

проблем как сидение перед телевизором и компьютерными играми нет. Но зато есть другое: книги – это доминанта в доме, и чувство книги им привилось именно потому, что в доме доминировал этот аспект – интеллигентско-аскетический. **М.А.Митрофанова:** Почти 20 лет назад отец Георгий подрабатывал в Театральном институте, читая там лекции по истории. Тогда за целый семестр он заработал 90 рублей. Мы получали по 120 и это была хорошая сумма для нас. Что купил отец Георгий на эти деньги? Тридцать томов Диккенса.

Л.Зотова: Вы рекомендуете детям читать что-то определенное или они сами ориентируются?

М.А.Митрофанова: Андрюша – это наследник идей отца Георгия. Маше Андрюша забивал голову тем, чем интересовался сам. Он не просто читал, он начинал этим жить, это продолжалось как болезнь какой-то период. Соответственно, если он этим жил, он этим играл и увлекал младшего ребенка.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Андрюша заимствовал от нас обоих патологическую тягу к истории. Он не случайно учится на историческом и занимается историей Византии. Но при этом у него широчайший круг интересов в сфере истории. Более того, он неизмеримо меньше прочитал художественной литературы, чем книг исторических. Маша длительное время следовала в его фарватере, но уже несколько лет проявляет удивительную способность быть самостоятельной как в устремленности к естественным наукам, именно к медицине, так и в своем круге чтения, который мне, например, совершенно непонятен: произведения Шарлотты Бронте, книги Джейн Остин. **М.А.Митрофанова:** Круг ее чтения для меня был большой проблемой. Ребенок рос около ноги, в храме рядом стоял и все вокруг умилялись: «Как хорошо, какая вы семья замечательная!» Я все это слушала и благодарила, но при этом меня не покидало ощущение того, что мой ребенок, я имею в виду Машу, очень далек от многих вещей.

Школа – это большая проблема для всех православных семей. Наш Андрюша произрастал, когда только началась романтика перестройки, позволявшая, если его не любили, или мы не любили, забирать ребенка и искать где лучше. Маша сразу попала в очень хорошую начальную школу. Это женская гимназия, у которой, как и у всех школ, большие проблемы. Но начальная школа там замечательная. Она попала в руки очень хорошего учителя. Учительница по литературе предлагала им чтение, которое они разбирали в течение года с первого класса.

Я этим не была убита, но многие родители были против. Единственное, что меня поразило, там было огромное количество книг, о которых я, несмотря на свое филологическое образование, даже не слышала. Это очень стыдно, но это так. У них был "Хоббит", Чарская. Меня это все потрясло в том плане, что я этого ей не читала, плюс я не знала, как совместить с обучением в школе музыкальную школу и посещение храмов, ведь наш ребенок очень уставал. Я видела, как хождение в храм превращается в дубину, которой бьют по голове. Мне от этого было страшно, я очень переживала вхождение детей в окружающую жизнь.

Такое впечатление, что духовная жизнь Маши была от нас скрыта. Я была от этого в ужасе. Я поняла, что внешняя атрибутика становится препятствием, я не вижу ее внутренней жизни, я не знаю, есть ли она. Я против чтения детям Житий святых. В четыре года я прочитала ей житие Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Ребенок заплакал и сказал, что не хочет быть христианином. Мне пришлось очень долго говорить, что каждому Бог дает по силам и что раз у тебя силенок мало, тебе никто такое испытание не пошлет. Они воспринимают жития как сказки. Житие оно и взрослого может убаюкать. Культуры восприятия этой литературы у нас нет.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Здесь я как член Синодальной комиссии по канонизации святых и автор нескольких житий хотел бы прокомментировать. Речь идет, конечно, о традиционных житиях, восходящих к св.Димитрию Ростовскому. Для своего времени его жития

были значительным новаторством. Для нашего времени нужна адаптация агиографической литературы. Это живая проблема нашей комиссии. Мы до сих пор в рамках нашей комиссии не нашли единого канона, единого стиля для составления житий современных святых, новомучеников 20-го века. Поэтому наши жития отличаются одно от другого. Это серьезная проблема.

Более того, как в свое время очень выразительно сказал отец Андрей Кураев, многие христиане в 20-м веке во время гонений надламывались в НКВД на следствии оттого, что были воспитаны на житиях св.Димитрия Ростовского. Они читали с детства эти жития, и им казалось, что их ожидает нечто подобное. Если богоборцы их схватят, у них найдутся силы, чтобы претерпеть те страшные истязания, которые были описаны в житиях. Их узы будут сопровождаться чудесами. Ничего подобного не происходило, это мы констатируем, проработав огромное количество архивных материалов. Обстоятельства заточения новомучеников очень скудны чудесами.

У многих возникал кризис. Казалось, что или я самый последний человек, раз меня проводят сквозь конвейер, когда я неделю не сплю, не ем, не пью и уже ничего не понимаю, готов все подписать, меня бьют и мне страшно – значит, я проклят Богом, или, наоборот, никакого Бога нет, раз я не могу всего этого вынести. И люди надламывались.

Мне кажется, что сейчас в агиографической литературе нужно искать какие-то новые формы. Они ищутся, достаточно посмотреть на наиболее удачные опыты житий, которые предлагает игумен Дамаскин (Орловский), один из членов нашей комиссии. Это жития новомучеников и в них есть некий новый взгляд на святость, я думаю, что это более плодотворно для современных детей.

М.А.Митрофанова: К сожалению, мой опыт меня привел только к одному: поскольку нет семейной традиции, я очень хорошо знаю как не надо, а как надо я не знаю. Поэтому здесь все идет наощупь. Главное – не угасить живое восприятие веры. Если оно живое, то неважно, в брюках ты или в юбке, в платке или без платка. Самое страшное, когда есть полный набор атрибутики, и нет живой веры. Я имею в виду реальных людей, которые ходят в храм и мучаются оттого, что они ничего не чувствуют.

Протоиерей Георгий Митрофанов: У меня не было мысли о том, чтобы ввести в дом видеомаягнитофон. На 40-летие мне подарили видеоплеер, и я стал приобретать видеокассеты с очень серьезными хорошими фильмами. В результате через год появился спецкурс "Историческая судьба России в отечественном кинематографе". Но самое главное, я понял, как нужно воспитывать культуру пользования книгой, так же нужно воспитывать и культуру пользования видеопродукцией.

Сейчас моя видеотека насчитывает около 50 фильмов. Это прекрасный способ интеллектуального, художественного и духовного воспитания детей, потому что на самом деле существует немало художественных фильмов, которые позволяют говорить детям об очень многих вещах чисто духовного порядка. В современном доме наряду с библиотекой должна быть и видеотека.

Л.Зотова: И какой фильм в вашей видеотеке вы считаете самым лучшим с точки зрения воспитания детей?

Протоиерей Георгий Митрофанов: У нас в основном взрослые фильмы, детских фильмов у нас нет. Я могу сказать, какой фильм способствовал активизации духовной жизни у Маши. Это фильм "Бен Гур", фильм о приходе Спасителя. Исторические фильмы помогают увидеть,

насколько много религия значила в жизни людей. "Крестоносцы", "Полет ворона", "Миссия" (о государстве иезуитов в Парагвае), "Спаситель" (о войне в Югославии), "Обретение рая" с Жераром Депардье – это фильмы, которые позволяют христианскому ребенку ощутить себя в контексте мировой христианской истории.

Это очень важно, когда ты чувствуешь, что известные тебе из курса истории выдающиеся исторические деятели к тому же еще твои братья во Христе, они веровали в то же, во что веришь и ты, вдохновлялись этим. Кинематограф в этом смысле производит очень серьезное впечатление. Я называю фильмы, которые имеют большое значение для детей. Такой фильм как "Неоконченная пьеса для механического пианино" – это прекрасная экранизация русской классики, которая воспринимается детьми очень глубоко, хотя это совершенно взрослый фильм об очень взрослых проблемах. Или, например, такой прозрачный фильм как "Собачье сердце", или "Мусульманин", или даже "Брат", который дает возможность говорить об очень сложных проблемах.

Я говорю о фильмах, которые уже использовал в своем видеокурсе. Впервые я апробировал свои лекции на своей семье и убедился в том, как можно хорошо использовать кино в разговорах на самые серьезные темы. Разговор о книге, разговор о фильме – это очень хорошее средство для священника как проповедника-миссионера. **М.А.Митрофанова:** На самом деле, главное – это книги.

Протоиерей Георгий Митрофанов: Сейчас в возрождении традиционных форм церковной жизни видят панацею всех бед. Прошло десять лет и мы увидели, что многие формы возрождаются искусственно или вообще не возрождаются.

М.А.Митрофанова: С детьми обязательно нужно читать то, что отнесено к разряду литературы второго сорта. Гении, как правило, на века. Литература второго сорта тоже имеет большое значение. Не для воспитания эстетического вкуса, а для понимания широты жизни и ее красоты. Такая писательница как Чарская несет главное, разлитую в воздухе атмосферу веры. Мой ребенок меня потряс тем, что не любит читать русскую литературу, и я могу объяснять почему. Не могу сказать, что я этому рада, но это факт, с которым приходится мириться. Для нее существует только классическая английская литература, до современной она еще не добралась. Это во многом сформировало Машу. **Протоиерей Георгий Митрофанов:** Английская культура очень религиозна. Эта характерная для англичан невозмутимость, сдержанность – по существу разновидность внутренней аскезы.

Аскетизм протестантизма проявлялся прежде всего в быту. Быт протестантских стран поражает своей, как ни парадоксально, одухотворенностью. Там нет ярких храмов, служб и литургического творчества, но там есть другое – умение по-христиански строить отношения с людьми, умение духовно трезво воспринимать самого себя, не уделять себе очень много места, не растворяться в собственных душевных стихиях и переживаниях. Это полезно для нашего менталитета.

Маша со своей английской литературой контрастирует с нашим Андрюшей. Когда в чине Торжества Православия в анафемах упоминаются какие-то никому не известные еретики, это ничего не дает сознанию, кроме ощущения того, что вокруг враги. А Андрюша большой поклонник этого чинопоследования, потому что для него за всеми этими экзотическими ересями стоит реальная драма византийской истории, рождение православной догматики в борьбе с конкретными еретиками.

Для Маши это нечто непредставимое, для нее христианство должно быть очень конкретным, практичным и должно быть направлено на служение конкретному человеку. В наших детях мы

видим два разных мироощущения и два разных подхода к христианству. Нам всем известен символ Марфы и Марии, в каком-то смысле наши дети являются таковыми. Сразу возникает потребность решить, а кто из них православнее? На самом деле, православны оба, просто их вера во многом различна в силу различия их личностей, но в этом и заключается достоинство церковной жизни, что в ней находят возможность для духовного самовыражения разные личности.

Источник: <http://www.grad-petrov.ru>